

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Федченко Оксаны Владимировны «Сакральная топография римского дома (поздняя республика и ранняя империя)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

Одной из главных специфических черт античных религий, в том числе римской, в настоящее время признается ее органическая «включенность» (*embeddedness*) в семейные, бытовые, политические и экономические отношения и институты. Религиозные представления и ритуалы пронизывали буквально все стороны жизни древних римлян и были нерасторжимо слиты с их повседневным бытием, основным пространством которого был дом, представлявший собой не просто комплекс помещений для проживания римской фамилии, включавшей и рабов, но и особый религиозный микрокосм со своими божественными покровителями и предметно-пространственными элементами, наделяемыми сакральным значением через комплекс традиционных ритуалов, *sacra privata*. Именно эти элементы (границы дома и придомовой территории, дверь и порог, очаг и стол, место хранения изображений предков и богов), образуящие в своей совокупности сакральную топографию римского дома и придомового участка, являются предметом диссертационного исследования О.В. Федченко. Вполне очевидно, что соответствующая ритуальная организация влияла на взаимоотношения и внутри семьи, и на отношения ее членов с гражданской общиной.

Сосредоточивая преимущественное внимание на всестороннем изучении ритуального измерения этого сакрального домашнего пространства, автор решает не только задачу подробной, так сказать, «антикваристской» реконструкции всего комплекса соответствующих действий и представлений, но выходит на такую концептуально значимую проблематику, как специфика римской религии в целом, соотношение в ней частной и публичной сфер, особенности мировоззрения тех римлян, которые на протяжении многих столетий жили с верой в своих богов и сверхъестественные силы, соответствующим образом выстраивая свою повседневность и социальные отношения. Такой ракурс рассмотрения заявленной темы, несомненно, делает диссертационное исследование вполне актуальным, тем более в контексте активно развиваемых в современной науке новых подходов к феномену римской религии и дискуссий по многим конкретным проблемам домашних культов и ритуалов.

Диссертация имеет логичную структуру, включающую Введения, две главы, разделенные на параграфы, Заключение, библиографический список и полезные приложения с иллюстративным материалом. В 1-й главе рассмотрены пороговые пространства и связанная с ними ритуальная практика римской семьи. Предметом 2-й главы являются другие сакральные элементы римского дома: очаг, священные столы, *agria* и изображения предков, а также культ Ларов и священные локусы дома. Каждая глава завершается четкими выводами, выделенными в отдельные пункты.

Во Введении наличествуют все необходимые части. Аналитические обзоры источников и историографии темы выполнены в целом добротнo, хотя и не без некоторых недочетов. Так, о Дионисии Галикарнасском говорится как об авторе только одного сочинения («Римские древности»), хотя ему принадлежат и другие труды, да и названный труд заслуживает более подробной характеристики. Слишком поверхностно (всего в двух предложениях) охарактеризованы эпиграфические источники. Напротив, в историографическом разделе автор останавливается на некоторых работах, не имеющих прямого отношения к изучаемой теме (например: *Dorcey P. F. The Cult of Silvanus: A Study in Roman Folk Religion. Leiden, 1992; Boëls-Janssen N. La vie religieuse des matrons dans la Rome archaïque. Rome, 1993; Purcell N. Women and Wine in Ancient Rome // Gender, Drink and Drugs. Oxford, 1994. P. 191–208; Edlund-Berry I. Hot, cold, or smelly: the power of sacred water in Roman religion, 400–100 BCE // Religion in republican Italy. New York, 2006. P. 162–180*) (с. 47–54), тогда как книга Дж. Кларка (*Clark J. The houses of Roman Italy, 100 B.C. – A.D. 250: ritual, space, and decoration. Berkeley, 1991*) заслуживает, возможно, большего внимания. В методологическом же разделе Введения диссертант, на наш взгляд, слишком подробно останавливается на концепциях ритуала, разрабатываемых в трудах этнографов и антропологов, в ущерб анализу современных подходов к исследованию собственно римской религии, включая концепцию «включенности» и полисной религии (здесь полезно было обратиться к трудам Йорга Рюпке, одного из ведущих в настоящее время специалистов по римской религии; диссертант ссылается только на две его работы, но их гораздо больше, см., например: *Rüpke J. Pantheon. A New History of Roman Religion. Princeton, 2018*).

Объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования и положения, выносимые на защиту, сформулированы в целом грамотно. Но всё же хотелось бы указать здесь на два момента, делающих работу уязвимой для критики. Во-первых, в определении объекта и предмета (с. 66) на первое место поставлены частные священнодействия римской семьи и ритуалы, направленные на формирование сакрального пространства римского дома и

придомовой территории. Это соответствует содержанию работы, но тогда, очевидно, было бы целесообразно и в ее название добавить слово «ритуалы», поскольку, как показывает проведенное в диссертации исследование, отдельные элементы домашнего пространства не просто воспринимались как сакральные, но приобретали сакральность прежде всего через соответствующие ритуальные действия. Во-вторых, целью исследования назван «**комплексный анализ топографических объектов ритуального пространства римского дома, которые способствовали сакрализации обитаемой территории**». Не самая удачная формулировка: получается, что топографические объекты суть фактор сакрализации пространства. Кроме того, из шести обозначенных задач четыре обозначены словами «**анализ, проанализировать**». Но анализ — это все-таки способ изучения, путь, средство, общенаучный метод. Правильнее было бы говорить об комплексном изучении и его предполагаемых результатах, которые можно описать словами «установление, выявление» и т.п. и достижение которых предполагает не только анализ, но и синтез изученных данных, индукцию и дедукцию, сравнение и использование прочих методов познания. Отметим также, что указанные на с. 67 хронологические рамки исследования — III в. до н.э. — III в. н.э. — расходятся с вынесенными в заглавие: «поздняя республика и ранняя империя». Все-таки III в. до н.э. — это никак не поздняя Республика.

Тем не менее, проведенное О.В. Федченко исследование в целом успешно решает поставленные задачи, вносит вклад в решение ряда спорных проблем, аргументированно опровергает ряд точек зрения, высказанных в историографии, в том числе мнение С. Шульц о том, что в качестве жертвоприношения, особенно среди бедных римлян, могли использоваться не только продукты питания, но и кухонная утварь (с. 155–158). По многим поднимаемым вопросам автор диссертации дает критический разбор существующих точек зрения и дебатированных положений (например, о происхождении и характере культа Ларов — с. 221 слл.). Диссертант приходит к действительно важным и интересным заключениям, среди которых можно отметить обоснованные выводы о том, что дверь и порог служили некими формами «социального языка», на котором «говорил» хозяин дома с членами общины (с. 102); что порог дома был не только «мужским» топографическим элементом римского дома, но был связан и с женской частью дома, и в рамках порогового пространства происходил разрыв и одновременно установление новых социальных связей, формировался новый состав семьи, обеспечивалась надлежащая преемственность между поколениями (с. 106); что роль изображений предков в формировании идентичности живых и мёртвых была связана с ритуальной практикой членов семьи (с. 216). Обоснованным и

значимым является и вывод О.В. Федченко о том, что зоны влияния почитаемых предков не были связаны с каким-то одним конкретным местом, но включали и места захоронения предков, и перекрестки, и границы приусадебного участка, порог и очаг (с. 234); так же и культ Ларов имел в рамках домашнего пространства отношение ко всем сакральным топографическим объектам римского дома (с. 236). Всё эти и другие сформулированные автором положения не вызывают возражений.

Фактором их обоснованности и несомненным достоинством рецензируемой работы является привлечение достаточно репрезентативной источниковой базы, основательная, квалифицированная, скрупулезная проработка всей совокупности имеющихся источников по теме, прежде всего литературных свидетельств на языках оригинала, а также особенно важных для исследуемой проблематики археологических материалов. В достаточно полной мере учтена и критически осмыслена существующая историография темы, включая и новейшие публикации на основных европейских языках. Уместно использованы этнографические параллели и концепции, относящиеся к интерпретации ритуальных практик. Всё это делает диссертацию О.В. Федченко фундированным исследованием с оригинальной постановкой и обоснованным решением ключевых проблем темы, действительно вносящим самостоятельный и значимый вклад в приращение научного знания и концептуальное понимание римской религии, ментальности и социальных отношений в рамках семьи и гражданской общины.

Вместе с тем, в дополнение к отмеченным выше недостаткам, хотелось бы высказать несколько частных замечаний, констатируя некоторые недоработки и обозначив возможные направления дальнейшего изучения темы.

1. В целом работа написана и оформлена достаточно грамотно, но в отдельных случаях автором допущены стилистические погрешности и ошибки в оформлении. Так, на с. 64 написано «происходит **сменяемость** концепций», а на с. 153 говорится о столе как об исходном сакральном объекте, «который под влиянием исторической **объективности** (расширение домашнего пространства и социальное расслоение римского общества) создаёт своих «дублёров» в других комнатах». Мысль в общем-то понятна, но выражена крайне неудачно. Учитывая римские реалии, вряд ли правомерно называть Помпеи, Геркуланум и Стабии **провинциальными** городами (с. 131).

2. На с. 185 приводится мнение Г. Флауэр, но ссылка дана на работу Дж. Поллини.

3. В списке источников (с. 245–247) ряд античных авторов (Светоний, Цицерон, Овидий, Ливий) размещены в алфавитном порядке по личному имени (Гай, Марк, Публий, Тит), а не по основному, как это принято. В перечне эпиграфических источников издание *Inscriptiones Latinae selectae* / Ed. H. Dessau. Vol. 1–3. Ed. 2. B., 1954–1955 упомянуто дважды (один раз вне алфавитного порядка), а издание *Corpus inscriptionum Latinarum* почему-то указано не в целом, а по отдельным томам. Стоило бы также обратиться и к другим собраниям латинских надписей, в частности, *Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae* / Ed. A. Degl'assi. Vol. I–III. Firenze, 1957–1963; *Supplementa Italica. Nuova serie 18. Vol. 1–14. Roma, 1981–2004*; *Inscriptiones Italiae: Academiae italicae consociatae ediderunt. Vol. 1–13. Roma, 1931–1963*.

4. Возможно, следовало бы расширить привлекаемый археологический материал, добавив к результатам раскопок в Помпеях, Геркулануме и Стабиях данные, полученные в ходе археологических изысканий в римских провинциях, в частности, в Римской Африке, где были найдены и изучены весьма репрезентативные памятники римской архитектуры (см., например: Тебер И. Частная жизнь и жилищная архитектура в Римской Африке // История частной жизни: под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия / под ред. П. Вейна; пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой под ред. В. Михайлина. М., 2014. С. 355–488).

5. Некоторой натяжкой звучит комментарий к пассажиру Вергилия (Aen. 123–127), в котором, по мнению автора, стол практически выступает синонимом слова дом, который Анхиз пророчит Энею (с. 171).

6. В дополнение к достаточно солидной библиографии стоило бы обратиться также к книге: *Grahame M. Reading Space: Social Interaction and Identity in the Houses of Roman Pompeii: A Syntactical Approach to the Analysis and Interpretation of Built Space. Oxford, 2000*. К переводам источников стоило бы добавить: *Макробий. Сатурналии* / Пер. с лат. и греч., примеч. и словарь В.Т. Звиревича. Екатеринбург, 2009; *Павел Диакон. Эпитама сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов»* / Пер. с лат., вступит. статья, коммент. А.А. Павлова. М.; СПб., 2018.

В целом же диссертация С.В. Федченко выполнена на высоком научном уровне, отличается самостоятельностью, аргументированностью изложения. Основные положения, выносимые на защиту, сформулированы четко и действительно отражают главные итоги исследования. Диссертация обладает внутренним единством и научной новизной, вносит вклад в разработку важной и актуальной темы, предлагает обоснованные решения по ряду дискуссионных вопросов и представляет собой законченное самостоятельное исследование.

Работа имеет достаточную степень апробации в докладах и публикациях автора. Содержание автореферата соответствует тексту диссертации. Неправомерных заимствований нет. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки). Таким образом, диссертационное исследование соответствует критериям, установленным в пп. 9–11 и 13 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 26.10.2023 № 1786). Федченко Оксана Владимировна заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки).

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира и Средних веков
Институт международных отношений и мировой истории
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
Махлаюк Александр Валентинович

08.11.2023

Адрес места работы: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, Институт международных отношений и
мировой истории

Сайт: <http://www.unn.ru/>

Тел.: (831)4623243; e-mail: imomi@imomi.unn.ru

Подпись *Махлаюка А.В.*
Заведующий. Ученый секретарь ННГУ
М.Ю. Черноморская
П.Ю. Черноморская
Тел. 462-30-21